

Жирное мясо наполнило корыто, тарелки,
Желтый чай наполнил чайники,
Гривастая ждет у коновязи,
Ждет, когда ты возвратишься, курай-курай!
Вернувшись в светлый свой оран,
На счастье и спокойствие посмотри,
Подруга твоя с разделенными волосами
Одинокое ждет тебя, курай-курай!
Под небом, под солнечным, лунным светом
Не придется ли трудиться,
Возвращайся домой, курай-курай!⁸²

Итак, в конце XIX—начале XX в. тувинские шаманы сохраняли многие культовые функции. К этому времени еще не исчезли некоторые институты шаманства, игравшие в прошлом важную роль в обществе, несомненно всячески способствовавшего их поддержанию и сохранению. В Туве отмечается почти парадоксальное положение, когда при наличии официальной религии, с религиозными центрами, школами будущих священнослужителей, огромной армией лам, шаманы как выразители иной религиозной системы имели, так же как и ламы, широкую народную аудиторию. Такая религиозная терпимость обязывала общество оплачивать тех и других, что в конечном счете для основных слоев населения было ощутимым и разорительным.

Сфера деятельности шаманов зачастую перекрещивалась с таковой у лам как на фоне общественных религиозных обрядов, культов, так и индивидуального воздействия на верующих.⁸³ Стойко сохранявшиеся в народе религиозные предрассудки и суеверия позволяли шаманам не свертывать свою деятельность. Поразительно живучими оказались и мир религиозных представлений у шаманов и «обслуживание» рядовых тувинцев всем огромным шаманским арсеналом воздействия (различные камлания, культовое снаряжение и т. д.).

Конечно, к этому хронологическому периоду тувинские шаманы уже не несли того социального заряда, который имел место в более ранние исторические периоды. Но в целом значимость как самой фигуры шамана, так и его деятельности еще не была отвергнута народной средой.

⁸² Записано от В. Кого-оола, перевод с тувинского сделан О. Дамгай.

⁸³ Дьяконова В. П. Религиозные культы тувинцев, с. 172—216.

Шаманство у нивхов изучено слабо. Даже в трудах первых исследователей истории и культуры этого народа мы находим лишь отрывочные сведения о таком важном явлении в их религиозной системе.

Первым обратил внимание на наличие у нивхов шаманов Л. И. Шренк. Он заметил, что шаманство у нивхов развито гораздо слабее, чем у тунгусоязычных народов Приамурья — ульчей, нанайцев и др. К тому же, он предполагал, что шаманство пришло к нивхам откуда-то из «глубины страны».¹ По наблюдению Л. И. Шренка, распространение шаманства уменьшается по мере приближения к Амурскому лиману и Сахалину. Более того, «начиная от деревни Вась, — пишет он, — вряд ли можно встретить где-нибудь на Лимане шамана или шаманскую утварь, в чем я убедился после многочисленных расспросов».² Лишь немногие шаманы пользовались среди нивхов популярностью, были известны как «великие шаманы». Это Саян, живший выше Николаевска, Чезах — в Каки и Хорвин — в Чардбахе. Л. И. Шренк видел в нивхских семьях шаманские принадлежности, хотя там никто не занимался камланием. По его наблюдению, некоторые нивхи умеют так же, как и шаманы, «плясать, бить в бубен и проделывать все то, что делают шаманы при отправлении своих обязанностей». И это несколько не считалось за грех.³ Шаманы играли практическую роль в жизни нивхов, в частности во время болезни, в случае смерти и т. д., поэтому они по-своему отождествляют шаманов с врачами и аптекарями.⁴

Основными шаманскими атрибутами были бубен и пояс. Каждый шаман имел свои собственные песни, являвшиеся заклинаниями для вызова помощников (*кэң*), которые обязаны приходиться

¹ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. 3. СПб., 1903, с. 121.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, примечание.

на помощь и исцелять больных, предсказывать будущее и т. п. «Но появление кена и его пляска ни для кого в юрте не видимы, кроме шамана, — и в этом знак и доказательство его высшего дара и сверхъестественной силы».⁵ Среди помощников шаманов Л. И. Шренк отметил земных и водяных жаб, змей, ящериц и др. В работе Л. И. Шренка дано краткое описание шаманского камлания. «Чем больше их приемы уклоняются от естественного хода вещей, тем громче слава шаманов».⁶

На деятельность шаманов среди нивхов обратил внимание другой исследователь этого народа — Л. Я. Штернберг. Он сам видел у нивхов шаманов, беседовал с ними, вел записи от них. Л. Я. Штернберг отметил, что шаманы не играли среди нивхов Сахалина такой большой роли, как среди «туземцев берегов Амура, и не представляли касты, как у других народов».⁷ Но тем не менее нельзя отрицать их роль в жизни нивхов.

Согласно материалам Л. Я. Штернберга, шаманы у нивхов — это избранники, «получившие в видении ночи или в трансе от бога-покровителя откровение о своем высоком призвании». Нивхи ему говорили: «Сделаться шаманом нельзя. Талант шамана не дар, а бремя. Чтобы стать шаманом, необходимо либо понравиться какому-нибудь кехн'у, либо получить такого кехн'а от отца или дяди».⁸ Дар шамана приобретается не по желанию человека, а наоборот, против его желания, «и высокий дар этот принимается как тяжелое бремя, которое человек приемлет как неизбежное, покоряясь ему с тяжелым сердцем обреченного. Не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана. Для получения дара шамана необходим особый момент призывания».⁹ «Обыкновенно это бывает в так называемый переходный возраст, в период наступления половой зрелости, будущий шаман подвергается острому нервному заболеванию, которое сопровождается истерическими припадками, обмороками, галлюцинациями и тому подобными явлениями и которое мучает его в течение многих недель; и столь же внезапно, во время одного из припадков или во сне, является к нему его дух-покровитель, объявляющий ему об его избрании, приказывающий ему стать шаманом, предлагая свое руководство и помощь. Иногда это — дух умершего предка, умершего шамана, передающего неофиту своих духов-помощников, служивших ему при жизни, иногда это — сам дух-покровитель этого предка, а чаще — дух повый, никогда не виданный им, незнакомый».

Бывают случаи, когда призванный сначала отказывается от возлагаемого на него бремени, упорствует, колеблется, но

⁵ Там же, с. 123.

⁶ Там же

⁷ Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936, с. 45—47.

⁸ Там же, с. 47.

⁹ Там же, с. 141.

в конце концов, измученный угрозами или соблазненный посулами избравшего духа, покоряется и вступает в союз со своим покровителем; обычно после этого припадки исчезают, и больной выздоравливает».¹⁰

Один нивх рассказывал Л. Я. Штернбергу, что перед тем, как стать шаманом, он более двух месяцев лежал неподвижно, пластом, в полном беспмятстве. Не успевал он очнуться от одного припадка, как впадал в другой. Это длилось до тех пор, пока он не стал камлать. Л. Я. Штернберг сам был свидетелем первого припадка у двенадцатилетнего сына шамана. «Мальчик по имени Койныт после обеда заснул и, разбуженный, начал неистово метаться и кричать, повторяя все неистовства и иступленные крики шаманов. Когда припадок кончился, лицо бледного мальчика было страшно истомлено и казалось лицом пожилого человека. Во сне к нему явилось двое кехн, один мужчина, другой — женщина; это были кехн'ы его покойного отца. Они сказали ему: „Мы играли с твоим отцом, теперь давай с тобой“».¹¹ По наблюдениям Л. Я. Штернберга, нивхи смотрели на шаманов как на «избранников бога». При этом у нивхского шаманства, как и у других народов Сибири и Севера, наблюдалась наследственность шаманского дара, который передавался как по мужской, так и женской линии.¹² Л. Я. Штернберг, так же как и Л. И. Шренк, заметил, что с момента появления у шамана помощников под названием *кехн* и *кечх*, исполняющих его веления, начинается настоящая деятельность шамана. Эти помощники выступают в виде мифических волков, сивучей, филинов, оленей, зайцев, небесных существ и т. д. Они способны принимать любую форму и, следовательно, могут проникать всюду для спасения больного.¹³

Главная функция шамана у нивхов — лечение больных. По наблюдению Л. Я. Штернберга, у нивхов было три способа лечения. Первый — после сновидения шаман дает тот или иной совет. Второй — изгнание злого духа камланием. Третий способ — это лечение на расстоянии, когда шаман посылает своих помощников к больному для изгнания злых духов.

Согласно записям Л. Я. Штернберга, шаманы у нивхов могли иметь до четырех личных душ.

Коснулся темы шаманства у нивхов Е. А. Крейнович. «Шаман, — пипет он, — это посредник между миром людей и миром духов, порожденным невежественным воображением людей каменного века». По представлениям людей этого уровня, в том числе и нивхов, обыкновенный человек лишен возможности не-

¹⁰ Там же, с. 141—142.

¹¹ Там же, с. 48.

¹² Там же, с. 142.

¹³ Там же, с. 46.

посредственного общения с духами. Ею обладает только шаман.¹⁴ Вера в шаманов была велика. Считали, что они видят все.¹⁵

Е. А. Крейновичу самому не пришлось близко встречаться с шаманами, но им в 30-х гг. были записаны от нивхов рассказы о сахалинских шаманах. В его записях есть материалы, дополняющие наши представления о нивхском шаманстве. Так, когда человек становится шаманом, устанавливают срубленную ель (*чуң чхар* — дерево чуң). Четыре ветви на ней оставляют целыми и к ним привязывают стружки инау. На эти ветви садятся во время отдыха духи — помощники шамана. Вокруг этого дерева втыкают по два прута ольхи, рябины, клена, тальника и черемухи. Затем изготавливают пояс с побрякушками. После этого шаман начинает уже петь.¹⁶ На Амуре также устанавливали шаманское дерево, когда человек становился шаманом. Там такое дерево называлось *чамчэдыһр* — шаманское сухое дерево. У основания шаманского дерева «амурские нивхи ставят деревянного идола-сторожа, который следит за тем, чтобы на дерево не сядились посторошние, не обслуживающие данного шамана духи и всякого рода черти — злые духи». После установки такого дерева тень будущего шамана изготавливал шаманские атрибуты. Среди изображений духов-помощников шамана есть и изображения женщины с четырьмя грудями, которая считалась главным помощником. По записям Крейновича, в роде Люмрпин было три шамана — Итызан, его отец и дед.¹⁷ Этим он подтвердил мысль Л. Я. Штернберга о наследственности шаманских способностей.

Главная религиозная функция шамана состоит в охране членов своего рода от козней злых духов и борьбе с ними.¹⁸ Этим Е. А. Крейнович признает родовой характер деятельности шаманов. Шаман выступает также в роли врача. У амурских нивхов существовал определенный ритуал приглашения шамана для лечения больного. Подробная запись этого ритуала сделана Е. А. Крейновичем. Таким образом, шаман мог обслуживать и членов других родов. Ценным из записей Е. А. Крейновича нужно считать краткий текст песнопений нивхского шамана.¹⁹

Е. А. Крейнович пишет, что не все шаманы делают добро людям: «И у сахалинских и амурских нивхов существует представление, что некоторые шаманы перерождаются в злых духов, убивают людей и питаются их душами».²⁰ Здесь, вероятно, имеются в виду души умерших шаманов.

В последние годы материалы о шаманстве у нивхов собирал автор настоящей статьи. Правда, в детстве, в 30-х гг., я видел

¹⁴ Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973, с. 440.

¹⁵ Там же, с. 456.

¹⁶ Там же, с. 441.

¹⁷ Там же, с. 446.

¹⁸ Там же, с. 447.

¹⁹ Там же, с. 453—454.

²⁰ Там же, с. 454.

шаманское камлание в родном селе Кальма, в низовьях Амура. В те годы в нашем селении была одна шаманка — жена нивха Чибака. По воспоминаниям местных жителей, это была сильная шаманка и пользовалась не только среди своих односельчан, но и среди населения соседних селений большим авторитетом.

В полевой сезон 1961 г. в сел. Береговые Лангери на западном побережье Сахалина я познакомился с нивхской семьей П. П. Кехана. Семья эта состояла из четырех человек: мужа, жены и двух детей.

Петр Петрович Кехан работал лесником в Рыбновском лесхозе, а жена его была домохозяйкой. Поселившись в их семье, я узнал, что жена его в прошлом иногда камлала, но в последние годы перестала этим заниматься. Мне никак не удавалось привлечь супругов в откровенную беседу о шаманах у нивхов.

В день моего отъезда в Ленинград, прощаясь со мной, Кехан и его жена просили, чтобы я еще раз приехал к ним, и обещали рассказать все о шаманской деятельности.

Прибыв на Сахалин в 1962 г., я застал семью Кехана на берегу Татарского пролива, в 18 километрах от селения Береговые Лангери. Здесь семья жила в палатке, добывала летнюю кету и заготавливала себе юколу на зиму и корм для нартовых собак. Здесь я и записал рассказ шаманки о себе.

В 1939 г., когда ей было около 39 лет, она заболела и у нее часто повторялись припадки. Ее навещали дома врачи и медсестры. Но припадки все продолжались. После припадков она, как правило, начинала петь, при этом пение чередовалось с разговорами. По признанию больной, она разговаривала с какими-то зверями.

В это время окружавшие ее люди старались сидеть тихо, так как боялись, что больной будет хуже от их движений. Например, дома не варили в это время пищу, которая издавала запах, боясь, что это ухудшит ее состояние.

Если во время припадка приходили в гости молодые женщины, то хозяйка просила их уйти, так как от их присутствия больной становилось хуже. В таком состоянии она находилась какое-то время (не помнит точно, сколько времени это длилось).

Однажды, когда больная пришла в себя после припадка, окружавшие ее сородичи спросили, что нужно делать, чтобы она не болела так тяжело и не переживала такие мучительные боли. Она попросила изготовить стружки из ольховника (*хеоңи*), молодой ели (*н'рун*) и тальника (*куйңи*). Еловые стружки она повесила на шею, а стружки из деревьев других пород надела на голову наподобие венка. Затем, по истечении какого-то времени, больная попросила сжечь дома ветки багульника (*т'ыкр*) и какого-то растения под нивхским названием *ойра*. От запаха горевших веток ей становилось легче. Затем она попросила изготовить две человеческие фигуры и фигуры зверей также попарно, бубен (*җас*) и че *зыһр* из молодой ели. Че *зыһр* сделали следующим об-

разом. Срубили молодую ель (длиной около 3 м); ветки оставили на вершине и немного ниже — две симметрично расположенные ветки. Последние, по словам нивхов, похожи на человеческие руки и называются *тот* (рука). Под этими ветками, на стволе, нанесли изображение человеческого лица. Эту ель поставили недалеко от дома со стороны восхода солнца.

Одна старушка, жившая в доме больной, в небольших чашках-корытах изготавливала *мось* (студнеобразную еду) из кусочков кожи (*мосқар*) следующих рыб: тайменя (*чыл*), сазана (*п'ирңыр*), ленка (*немла*), хариуса (*чарх*), форели (*лоңр*), камбалы (*лоқ*). Этой едой «кормили» человеческое изображение на елке: пальцем мазали едой его губы. Затем больная обвязала себя поясом (*яңна*) из кожи морского льва (*т'уң*). К этому поясу прицепили кольца в два ряда с железными подвесками в форме рожков. К кольцам подвесили парные изображения голов зверей, самок и самцов, — тигров, лосей, оленей, змей, орлов, сов, лебедей и др. Кроме того, большую обвязали ремнем из кожи морского льва, к одному концу которого привязали черную собаку (*ыңр қан*) с необрезанным хвостом. Для этого использовали только кобелей, так как суки «пачкаются» кровью и могут принести неприятности.

Между больной и собакой за ремень привязали еловую палку (*уз*) длиной около 1.5 м с ветками на верхушке. При этом верхняя часть ствола и ветки были обмотаны берестой, на стволе ее были сделаны четыре зарубки. Эта палка служила больной посохом.

Перед выходом из дома больная, сидя на наре, пела и разговаривала, звала к себе тигра — *ат*, хозяина огня — *туңр ыз*, хозяйку неба (вселенной) — *тлы ычик*, хозяйку тайги (леса) — *пал ычик*, а также перечисляла каких-то зверей, которые должны были явиться к ней.

Когда к больной «пришел» по зову тигр, которого она назвала *ат атак* (дедушка тигр), она была в состоянии очень тяжелого припадка.

Затем, повторив, что пришел ат атак, больная постепенно пришла в себя и вышла на улицу, направляясь к че зиңр. Чтобы она не упала, ее придерживали пять пожилых людей, в основном держали за кожаный ремень, к которому были привязаны собака и посох. Нивхи говорят, что в таком случае чем больше людей держат за ремень, тем будет лучше больной. Дойдя до ели, больная обошла ее четыре раза против часовой стрелки, при этом она пела и просила тигров пожалеть ее, помочь, чтобы она не болела. Затем вернулась домой.

Дома же по просьбе больной перед ее приходом поставили посреди помещения на полу *т'овс*, сделанный из лиственницы. Мы условно называем его «шаманский очаг». Он представляет собой небольшой чурбан, который стоял на четырех коротких ножках, такие же ножки торчали сверху. На каждой верхней

ножке было вырезано по изображению головы камбалы, медведя, змеи и человека. На чурбане сделано четыре пояса, между ними же дерево было выдолблено. Таким образом, каждый пояс представлял собой как бы отдельную полку. И недаром нивхи называют их *тыр* — стол. Верхняя полка имела небольшое углубление. На это место положили горящий уголь и сверху бросили ветки багульника, ели и растения ойра. Ветки задымили и стали издавать едкий запах. Войдя в дом, больная вместе с собакой и людьми, державшими кожаный ремень, обошла этот шаманский очаг и остановилась. В это время шедшие с ней люди дали шаманке мелкие белые камешки *чаңвах*: мужчины по шесть штук, а женщины — по восемь. Все эти камешки она проглотила. Столько же камней она проглотила и после второго, третьего и четвертого кругов. Нивхи говорят, что иногда такие больные проглатывали целую чашку мелких камешков.

После четвертого круга, проглотив камешки, больная села на нары и стала петь. В песне она опять звала зверей и просила у них помощи, чтоб ей больше не было плохо, чтоб она больше не болела. Окончив пение, больная встала, подошла к двери и стала снова петь, вращая бедрами и ударяя в бубен (*мыудь*). Затем опять села на нары. Те же люди дали еще камешков, которые она легко проглотила. После этого она почувствовала себя хорошо и осталась сидеть на нарах.

По словам больной и ее мужа, у нее такие припадки бывали относительно редко — и каждый раз она лечилась таким способом. По мнению информантов, шаманки могли лечить людей только в таком состоянии, когда они способны устанавливать контакт с духами животных и птиц.

Наша собеседница посторонним не шаманила. Она лечила только своего мужа П. П. Кехана. Когда у него на спине появился большой нарыв и от боли он не спал несколько ночей, она облачилась в шаманское снаряжение и позвала своих помощников-зверей. От них она узнала, что надо достать какую-то морскую траву или моллюска под названием *тол мақ* и приложить к ране. Но найти его они не могли, и поэтому пришлось снова путем камлания узнать, где же можно достать тол мақ. Затем на собаках она съездила в другое селение к старушке, у которой они были. Их наложили на рану, в результате чего уже на утро вышел из раны гной, больному стало легче.

В другой раз во время камлания шаманка, обращаясь к мужу, сказала: «Иди в лес, сперва найдешь след медведя и потеряешь. Затем снова найдешь этот след и медведя». По совету жены П. П. Кехан пошел в лес со своим сородичем и нашел медведя в берлоге, что сильно удивило его.

По свидетельству самой шаманки и ее мужа, нередко случалось, что во время болезни шаманка камлала и пела целыми днями. Кроме того, она обязательно пела и камлала в январе,

в период полнолуния, и в апреле, когда медведи покидали свои берлоги.

Мы задали несколько дополнительных вопросов нашим информантам, на которые они охотно ответили. Думаю, что эти ответы представляют интерес как дополнительный материал к приведенному рассказу.

1) Че зифр ставили на улице с восходом солнца.

2) Фигурки к поясу изготавливали сородичи по указанию шаманки из жестяных пластинок, фигурки самок имели меньший размер, чем фигурки самцов.

3) К шаманке ремнем привязывали собаку, потому что только она знает, где находятся звери, к которым обращается шаманка во время камлания. Кожаный ремень, используемый для привязывания собаки к шаманке, называется *лу букс*, что можно перевести как «ремень песни», без этого ремня шаман ничего не увидит; пожилые люди держали этот ремень при ходьбе шаманки, чтобы она лучше видела.

4) Мелкие морские камешки диаметром 0,5—1,0 см собирали тогда, когда шаманка говорила, что ей становится плохо, иногда их собирали даже ночью, на берегу; эти камешки она глотала якобы по требованию морского льва, изображение которого имеется на поясе, морские львы глотают такие камешки сами и требуют, чтобы то же делала шаманка.

5) Шаманский очаг (т'овс) из обрубка дерева по просьбе шаманки делал ее дядя, брат отца. Обычно такой очаг делали нивхи в самом начале становления шамана. На шаманском очаге имеются изображения человека²¹ и зверей, являющихся помощниками шамана, с которыми тот советуется по всем вопросам своей деятельности: помощники советуют шаману, как лечить, какие средства использовать и т. д. Каждый из зверей обладает определенным качеством, которое может быстро помочь шаману в его деятельности: так, гагара — сильная, очень ловкая и быстролетная птица; камбала может легко приспособиться к опасности и скрыться в песке; змея быстро ползает и может пройти везде; медведь — сильный зверь и может быстро бежать и т. д. Чтобы духи зверей были всегда в силе и быстро выполняли свои обязанности, их кормят перед камланием из специальной деревянной чашки, которую делали из березы или ольхи и которая имела один конец в форме головы гагары, а другой — в форме хвоста камбалы.

6) Бубен (цас) у нашей собеседницы-шаманки был, но его по требованию общественных организаций села забросили в реку. Бубен имел овальную форму, обруч (ас) был сделан из прутьев рябины (*мезла цыкс*), обтянут кожей оленя, на внутренней стороне крест-накрест были натянуты ремни, в центре привязано дере-

²¹ Нам не удалось выяснить, кто конкретно был изображен и какую роль играл в шаманском камлании.

вянное кольцо, на внутренней стороне кожи приклеены силуэтные изображения оленя, морского льва, змеи и лося; на наружную гладкую сторону бубна был нанесен тонкий слой клея из калужьего пузыря. Этот бубен по нивхскому закону должны были сделать братья отца, но так как их не было у шаманки, то его сделал П. П. Кехан.

В 1974 г. в сел. Некрасовка в северной части Сахалина мы встретились с бывшей шаманкой Казык, приехавшей с о-ва Байдукова. Раньше Казык занималась шаманской практикой у себя на родине. Но уже много лет камлает лишь для себя. Она бралась за бубен и камлала тогда, когда чувствовала себя плохо. В таких случаях нивхи говорят: *хандудь*.²² По нашей просьбе старушка Казык согласилась в один из вечеров воспроизвести шаманское камлание. К сожалению, в ее распоряжении был лишь бубен участников художественной самодеятельности и небольшая налобная повязка из нитки вместо повязки из стружек инау. Не было одного из важных атрибутов шамана — пояса с подвесками. Тем не менее Казык поддалась нашему уговору, взяла в руки бубен и начала ритмично бить в него. Но ничего не получалось. Поэтому попросила принести ей настойку из веток багульника и еловых веток, а также свежие ветки багульника. Затем сделала несколько глотков настойки и понюхала ветку багульника. После этого снова взялась за бубен и начала пение. Опять у нее не получилось. Оказывается, простыши и тряпки, повешенные на веревке в комнате, мешали ей общаться со своими духами-помощниками. После того как они были убраны, Казык снова выпила немного настойки, и ей стало как-то веселее. Взяла бубен, начала петь под ритмичные удары бубна и так постепенно вошла в шаманскую роль. Затем крикнула: «Индыдь!» («Увидела!»). Это значит, что она установила со своими помощниками контакты (*кинзньрышдь* — «черта нашел»). После этого она впала в экстаз. Теперь уже было невозможно остановить пение и игру старушки шаманки. Я выяснил, что во время камлания к шаманке подходили ее духи-помощники *кеңгу* в образе различных животных, в том числе дельфина, морского льва, сойки и др. Когда она общалась с тем или иным помощником, то разговаривала с ним «на языке того животного», в образе которого пребывал дух-помощник. Об этом можно было судить по тем звукам, которые произносились шаманкой. Она воспроизводила не только их голоса, но и движения, характерные для этих животных. Даже имитировала, как те садятся на землю, и издавала шум, сопутствующий их движениям. После того как к ней пришли все духи-помощники, она обрисовала им меня, рассказала, откуда я приехал и что делаю в Некрасовке. Сообщила, что приехал «осмотреть (обозреть) нашу землю» (*ньца мива т'ырья*). «После этого, — сказала она, — он уедет». Затем дала задание каждому

²² Этим словом нивхи обозначали состояние человека при камлании.

помощнику, кто и куда должен сопровождать меня, и указала ориентиры, по какому пути должны проводить меня. Я уяснил, что основными ориентирами были сопки, хребты гор и т. д. Шаманка во время камлания не только указала маршрут своим помощникам, но и сама осмотрела эти места и успела вернуться обратно. Это действие она назвала *тив айдь* — «дорогу делать». «Прокладывая дорогу» мне, она сказала своим помощникам, что сделала дорогу своему сыну: «*Пола тив айдь*». Заканчивая камлание, шаманка сказала: «*Кыз ивр вийя*» («Со счастьем иди», «Счастливого пути»). Затем добавила: «Я провожу тебя до своей большой сопки Мео вал, которая находится напротив города Николаевска. С вершины сопки Мео я буду наблюдать, как ты поедешь дальше». Кончила камлание, издавая многократный звук: «Кш! Кш! Кш! . . .». Это было состояние, когда человек расслаблялся после тяжелого труда и сильного нервного напряжения.

На следующий день вечером я пришел к шаманке и сообщил, что сотрудница нашей экспедиции заболела и лежит с высокой температурой. Воспользовавшись случаем, я попросил ее покамлать. Это был хороший повод для записи обряда камлания. Старушка отнеслась сочувственно к моему сообщению и просьбе. Перед камлашем она выпила настойки багульника, взяла бубен и позвала всех своих помощников-духов. В самом начале пения сказала: «Пришли». Это значило, что подошли к ней духи-помощники. С этого момента она уже находилась в состоянии экстаза. Своей песней она сообщила: «К нам приехала гостья, хороший человек, не нивхская девушка. Приехала издалека и заболела. Хорошо полечите ее. Надо приготовить еду, накормить землю, дом, в котором живет она».²³ Потом сказала: «Я пойду и посмотрю места, откуда она приехала». И в песне описала места, откуда гостья приехала, в частности подробно перечислила сопки на Сахалине и на Амуре, через которые та летела на самолете. Везде, с ее точки зрения, было чисто и хорошо. В заключение шаманка сказала, что завтра утром ей будет лучше.

После небольшого перерыва шаманка сделала несколько глотков настойки, пошохала ветки багульника и снова взялась за бубен. В шаманском пении она «прокладывала обратную дорогу в Ленинград». Как и в первый день камлания, во время общения со своими духами-помощниками шаманка указала, по какому пути до какого места должны «сопровождать» гостью. Главными ориентирами были сопки и хребты. Во время камлания шаманка «пролетала» эти места, «видела» их и «выясняла обстановку». Доехав до Тыры пал, Тыры миф (до Тырского утеса, Тырской земли) в низовьях Амура, вернулась обратно. «Дальше, — сказала шаманка, — поедете сами».²⁴

²³ Эти слова были адресованы мне и тем, кто приходит за советом вообще.

²⁴ Из импровизации шаманов было видно, что они обычно во время камлания описывают лишь знакомые им места, где бывали сами или знают по рассказам других.

Казык сказала нам, что в те дни, когда она не камлает, ей бывает тяжело и она болеет. Духи-помощники ее тревожат, требуют деятельности. Тогда она вынуждена пить настойку из багульника и веток хвои. Затем начинает петь потихоньку, сидя на полу или на кровати. Это состояние, как отмечали выше, по-нивхски называется *хаңдудь*. Во время камлания, общаясь с духами-помощниками, она дает им задание. Пройдя по местам, указанным шаманкой, помощники сообщают обо всем виденном. Поэтому Казык «в курсе всех событий», которые происходят в местах, где бывают ее духи-помощники.

В 1975 г. в сел. Ноглики на Сахалине мне удалось провести несколько вечеров с нивхом Укзаном. Отец его был из рода Акровон, а мать — Койвон. Родился Укзан в 1917 г.

Укзан в детстве начинал камлать, но не встал на путь большого шаманства. Из близких его шаманом был дед по матери. После его смерти и смерти братьев из мальчиков в их роде остался один Укзан. Умер и его отец. Когда Укзану было шесть-семь лет, он увидел необычный сон (*м'ыйд*), о котором рассказал матери. После этого родные решили, что Укзану пора стать шаманом. Сделали ему бубен (*қас*) из кожи кеты и опоясали вновь сделанным шаманским поясом. Из стружки инау свили вешок и надели на голову. Погасили лампу-коптилку и заставили мальчика бить в бубен. Затем его спросили: «Ты видел что-нибудь?». Он отвечал, что ничего не видел. Так заставляли мальчика каждый вечер практиковаться. Через какое-то время он действительно стал по-настоящему камлать и «лечить» людей.

Когда в первый раз на Укзана надели шаманское облачение, то поставили три или четыре еловых дерева с ветками наверху. Самое большое дерево было длиной три-четыре метра, остальные короче. Затем сделали изображения мужчины, женщины и ребенка и приготовили ритуальную еду, убили жертвенную собаку. Затем устроили кормление леса и воды в отдельности. Во время кормления леса убили черную собаку (*луқ қан*), а во время кормления воды — белую (*чаң қан*). Фигурки были обернуты стружками и содержались в углу дома. Их кормили из ритуального корытца, куда специально клали еду. Камлание устраивалось между задней парой и очагом (*м'ум*). Родные сидели рядом на нарах и следили за камланием. Многим нивхам после камлания Укзан рекомендовал носить на шее деревянного «идола», который предохранял бы их от злых духов.

Укзан не долго был шаманом, потому что вскоре после установления Советской власти ему пришлось прекратить свою шаманскую деятельность. Он был этому рад, так как камлание ему давалось с большим трудом. Уже многие годы Укзан трудится в рыболовецком колхозе.

Собирая материал среди нивхов, мы выяснили, что шаманов у них действительно было мало; иногда нивхи обращались к шаманам, жившим вдали. В начале XX в. не все нивхские роды

имели своих шаманов. Об этом писал Л. И. Шренк. Шаманами были как мужчины, так и женщины. Среди них выделялись такие, о которых ходила молва как о всемогущих и сильных. Нередко к этим шаманам приезжали за помощью нивхи из дальних селений.

Деятельность шаманов у нивхов была ограничена определенными обязанностями. Главной функцией было лечение больных изгнанием из них злых духов. Шаман мог предотвратить болезни, вылечить женщин от бесплодия и т. д. Только в исключительных случаях, когда было плохо с промыслами и люди умирали с голоду, старики обращались к шаману с просьбой объяснить причину плохих промыслов и помочь людям добыть рыбу. Нивхи приводили нам довольно много примеров, в которых, по их мнению, оценивается положительно деятельность ряда шаманов в низовьях Амура, а про некоторых шаманов вспоминали лишь с иронией.

Обобщая материалы о деятельности нивхских шаманов, мы приходим к выводу, что функции их все же были ограничены. Например, они не принимали участия и чаще не присутствовали на таких важных общеродовых общественных мероприятиях, как медвежий праздник,²⁵ в похоронных обрядах, в брачных церемониях, в обрядах, связанных с промысловыми праздниками, и т. д. Народный обычай требовал, чтобы во время проведения этих ритуалов шаманы не дотрагивались до своих атрибутов и не камлали. В такие дни шаманов как будто вообще не было в селении. Шаманы участвовали в промыслах, но почти не привлекались для камлания, связанного с промыслом.²⁶

Мы привели материалы ряда исследователей, собранные среди нивхов в разное время с середины XIX в. до наших дней. Эти сведения, по нашему мнению, в целом раскрывают шаманство у нивхов. Мы можем на их основании сделать некоторые выводы.

Шаманство у нивхов в середине XIX—начале XX в. не получило такого широкого распространения, как у соседних тунгусоязычных народов. Это можно объяснить тем, что у нивхов в этот период еще сильно сохранялись традиционные верования, отражавшие анимистические представления о природе и человеке. Шаманы же лечили больных — выполняли функции знахарей. Пока нам не известно: появление шаманов у нивхов это стадийное явление в развитии нивхского общества или же результат влияния культуры каких-то соседних народов, как утверждает Л. И. Шренк. Здесь мы можем лишь сказать, что такой важный

²⁵ «Хотя при медвежьих празднествах и может быть шаман, но шаманить ему запрещено» (Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. 3, с. 121).

²⁶ Шаманы вмешивались в эти дела в крайних случаях, когда были плохие промыслы рыбы и плохая охота. Видимо, этот момент был зафиксирован Л. И. Шренком: «... а шаман обратился к богу с молитвою об обильном лове рыбы, о хорошей погоде, стоке дождя в море, благоприятном и безопасном морском плавании для гилияков и русских» (там же, с. 122).

шаманский атрибут, как пояс яңпа, распространен и у соседних тунгусоязычных народов нижнего Амура, в частности у ульчей и нанайцев. Думаю, что правы были Л. И. Шренк и Л. Я. Штернберг, смотревшие на шаманство как на наследственное явление.

В XIX—начале XX в. шаманы обслуживали не только сородичей, но и членов других родов. Положение того или иного шамана зависело от успеха его камлания. Сильные шаманы пользовались большим влиянием, и к ним обращались люди из многих селений.

Все нивхские шаманы имели бубен қас, шаманский пояс яңпа с железными трубчатыми побрякушками, различные подвески с изображениями духов-помощников. Каждый шаман имел головную повязку из стружек инау и свое дерево, куда садились духи-помощники. Обязательным атрибутом шамана был деревянный шаманский очаг с изображениями тех же духов-помощников.

В доме шамана всегда держали багульник, настойку из веток багульника и ели. Этот напиток действовал на шамана одурманивающе и «способствовал установлению контакта» с духами-помощниками. Запах багульника, видимо, создавал благоприятную атмосферу и условия для такого общения.

Нивхские шаманы, как было отмечено, не выделялись как особая каста. Конечно, к ним относились с некоторой боязнью и преклонением. Шаманы трудились, как все, но чаще болели и вынуждены были во время болезни исполнять хаңдудь. Обычно они делали это в шалаше или в отдельном углу большого дома. Во время импровизации шаманы создавали песни, в которых описывали все то, что видели при камлании. Как говорил Л. И. Шренк, каждый шаман имел свои собственные песни. Эти песни были непостоянными: при каждом камлании импровизировались новые.

Отдельные нивхи говорили нам, что в начале XX в. сильные шаманы за камлание и лечение больных брали плату. Мы не располагаем конкретными материалами по этому вопросу.

В первые годы Советской власти в нивхских селениях, в том числе и в сел. Кальма, практиковали шаманы. Некоторые жители, отказываясь от медицинской помощи, шли лечиться к ним. В этот период особо проявилась отрицательная роль шаманов, заключающаяся в том, что они мешали населению приобщаться ко всему новому, прогрессивному.